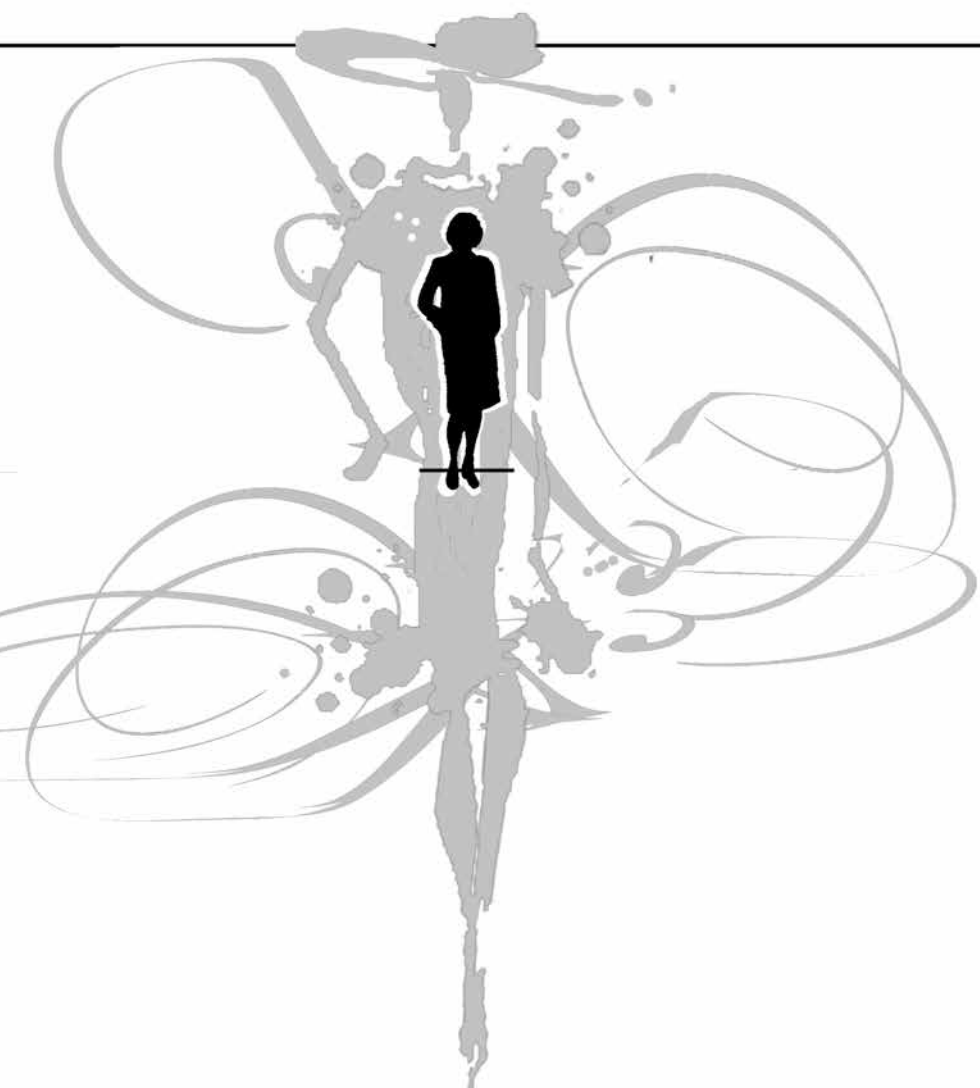


ХУДОЖНИЦА





Les hommes n'ont jamais l'air si heureux que le jour où ils abdiquent leur liberté.

Charles Nodier.

Baptiste Montauban ou l'idiot (1833)

(«Люди никогда не выглядят так счастливо, как в тот день, когда они отрекаются от своей свободы».

Шарль Нодье)

«Никогда не снисходите, никто этого не оценит, потому что все подумают, что вы не снизили, все подумают, что вы упали».

Марина Цветаева

Наваждение

«Знаешь, я все время растеряна перед холстом. Я не могу преодолеть эту пустоту, не знаю, как начать. А потом как-то нащупываю. Нет, это неправильно.

Я как-то делаю как попало, и иногда удается продаться через первоначальный хаос из страха и лени и гармонизировать его во что-то похожее на что-то».

Она смеется.

Я смотрю на нее и понимаю, что вот она — произведение какого-то неизвестного искусства.

Я не знаю, как она рисует, я в этом ничего не понимаю. Наверное, она хороший художник. Но мне это совершенно неважно. Я понимаю — или мне кажется — в людях. И в этом качестве она безумно интересна. И пусть делает, что хочет. Вернее, то самое, что делает ее такой. Шедевральной. Искрящейся. Искренней.

Все это, наверное, как-то не так совсем, но я пытался, по крайней мере, описать ее. А там будь что будет.

Стереотипы

Вот так хотел бы когда-нибудь Абакумов прочитать в каком-нибудь романе описание художника, работы которого или которой он рассматривал в доме отдыха, куда его занесло на волне внутреннего туризма.

Какой-то забытый богом очаг культуры — и в нем выставка художественной артели «Богадельня». Бывает же такое.

Он спросил у билетерши — или как ее надо называть, он не знал, — нет ли телефона или каких-то координат художников с этой выставки. Она ему дала визитку.

Гончаренко Софья. Натюрморты и пейзажи. Значился на ней и телефон.

Абакумов поблагодарил и вышел на крыльцо. С крыши капало.

— Весна, — сощурился он, набирая номер.

— Да, — ответила трубка.

— Это Софья? Не знаю вашего отчества, простите, — затараторил он от неготовности к разговору.

— Можно прям так. А кто это? — голос был спокойный, но не безразличный.

— Я был на выставке, и мне дали ваш телефон.

— А, вы из «Богадельни», — она засмеялась.

— Ну да, — он расслабился, успокоился и зажурчал. — Мне очень понравилось.

— Вы любитель?

— Нет, случайный зритель, скорее.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем вы любитель, от чего отвлекаетесь?

— Ах это... Я бизнесом занимаюсь. Но я хороший.

— Так бывает?

— Ну, конечно, а почему нет?

— Я думаю, хуже вас только чиновники.

— Ну, в чем-то вы, наверное, правы, — он не знал, куда свернуть. — Ну, может быть, я втянусь и перейду на сторону света.

— Ну.

— Вот сегодня вроде меня зацепило — это считается?

— Откуда я знаю, я не поп.

— Извините.

— Это вы извините — набросилась так. Что вам угодно, собственно?

— Я бы хотел посмотреть что-то еще ваше. Где вы есть?

— Да нигде. Так, иногда выставки, вот как сейчас, а так нигде. Может, в магазинах, но сейчас вряд ли.

— А где вы держите картины?

— Дома, где же еще. И в гараже.

— В гараже?

— Ну да, а что вас так удивляет?

— Я думал, там холодно.

— Ладно, если хотите, позвоните через неделю или когда вы еще будете у нас. Через неделю можете звонить и приходите.

— Спасибо, извините еще раз, — он как-то потух. Энергия вышла, разговор погас, он чувствовал себя вывернутым и не знал, почему.

Да хрен с ней, подумал он. Забивает голову черт-те чем. Подумаешь. Бизнесмены ей не нравятся. Моральный камертон, понимаешь.

Он обнаружил, что идет куда-то по тропинке в лесу. Машина стояла в другой стороне. Хрень какая. Он долго матерился, возвращаясь обратно.

Снова и опять

Вспомнил об этом разговоре Абакумов через год или чуть меньше, но вспомнил. Во время совещания по поводу перебоев с поставками запчастей к доильным аппаратам.

У него были большие производственные мощности — сорок тысяч голов. Коровы резко снижали надои из-за неправильного доения. Он понимал в этом примерно так же глубоко, как и в живописи, но пристальное внимание начальства могло подвинуть процесс не хуже технолога, если найти правильную точку приложения сил.

Здесь он эту точку знал. Просто присутствовать и вести совещание, а точка равновесия найдется сама, надо только не мешать. Перед ним они все хотят быть правыми и постараются. Вот и все искусство в производстве молока.

Совещание шло вполне предсказуемо, все в меру горячились, когда один из технологов сказал среди прочего: «Мне надоела эта богадельня».

Ничего особенного, обычная фигура речи. Но подсознание уже запустило процесс. В результате возникло имя Софья и пейзаж раскрылся во всей

полноте глухой деревни. Он вспомнил. Потом, освободившись поздно вечером, он позвонил.

— Я не поздно?

— Кто это?

— Это любитель, ну, помните, с выставки, я звонил вам год назад, «Богадельня».

— Да-да, как же. Человек с темной стороны. Помню-помню. Как вы?

— Да вот замотался и забыл, а теперь вспомнил — и опять захотелось посмотреть на искусство и улучшиться, что ли.

— Да вы прям — ух, прям мастер слова.

Он снова почувствовал себя как за пазухой у мамы, речь его текла плавно, он наслаждался ее звучанием и репликами собеседницы. Говорили долго и обо всем.

— Ну что с вами делать, звоните и приходите, если будете рядом и меня застанете. А теперь, извините, поздно и все такое.

Он услышал, как кто-то там позвал ее: «Ну сколько можно». «Сейчас-сейчас», — ответила она.

Он сник, сказал, что будет скоро, попрощался и отключился.

Отключился чуть рано, ибо если бы повисел еще секунду, то услышал бы ее шепот: «Не вешайте нос, все будет хорошо».

Но он этого не услышал. Очень жаль его.

Река

Предновогодняя суэта, куча всяких приглашений. Абакумов рассматривает эту кучу, среди них открытие выставки «Река». Представлены работы Софьи Гончаренко. О! Вот это да. Опять она. Это интересно. Когда открытие? Завтра. Отлично. Где? На Кузнецком валу. Прекрасно. Во сколько? В шесть.

Он сказал, чтобы завтрашний вечер освободили и не занимали.

Он пришел. Картины были другие. Не схватили. Или настроение было не то, или не провинциальный музей, где все растекаются в сопли, а глянец. А на глянце все не так.

Прошел еще раз — без перемен. Выпил шампанского, его было вдоволь. Но и оно не помогло. Он не попадал в реку.

Спросил, здесь ли автор. Ему показали. Софья стояла с несколькими мужчинами. Он подождал, потом подошел, представился.

— А, это вы, ну что же, я рада.

Он был раздавлен. Она была простая, не гляцевая, не престижная, никакая. Он не знал, что говорить, растерялся совсем.

— Ну что же вы? Все хорошо?

— Да-да, просто я как-то не так вас представлял, напридумывал себе.

— Это бывает, — она засмеялась. Смех был такой домашний. — Вы не переживайте, мы же не женаты, слава богу, чего расстраиваться.

Ему потеплело, он что-то промямлил, потом собрался и сказал:

— Искусство всегда нас, любителей, так шибает, вот я и растекся. Надо было сначала к вам, а потом к картинам, — он смущенно улыбнулся.

А она опять засмеялась.

— Бывает. Вы, главное, не печальтесь. Извините, мне надо проводить кое-кого из гостей.

— Да-да, конечно, извините.

Она отошла. Он стоял. Потом нашел место, уселся и стал смотреть. На людей. Как они разглядывают картины. Какие они. Он со студенческих лет не был в галереях. Одичал. И теперь он — как те, кто не вовремя читает книжки, — обалдел.

Но в отличие от тех, других, впустил эти все впечатления в себя и смог их вместить. Они бурлили

в нем. Он терпел. Впрочем, кажется, это было шампанское. Он не заметил, как выпил его достаточно много. Так бывает, когда ты физически в одном месте, а душа где-то бродит. А потом все удивляются.

Надо

А в чем, собственно, у него была нужда? Что было с ним не так? Пустота сменялась пустотой, и это превратилось в обыденную череду событий без событий. Он скупил все ее картины, которые нашел. Они были недорогие и их было немного.

Знакомый галерист — теперь у него были знакомые галеристы, смешно, да? — удивлялся его фокусу на этой странной Гончаренко и пытался предложить ему других, но он не покупал других, зачем ему были другие.

Наваждение или забвение. Одно из двух, но галеристы не знали таких слов или знали, но скрывали, им ведь надо было картины продавать, а не книги Юнга. Никто не находил ее выдающейся. Простой стиль, весьма профессиональный, но не более того.

Правда, Чехов как-то сказал, что чем хорошо писательство, так это тем, что на любую галиматью найдется свой читатель. Может, это и на художественные творения распространялось. Он не знал. Или он просто не хотел сдаваться. Пропать между его воображением и реальностью убивала его. Он не понимал, почему.

До и после

Еще через год он увидел ее в ресторане с Селезнёвым. В представлении Абакумова более мерзлотного персонажа во всем городе не было. Во всех смыслах пробы ставить было негде. И что теперь?

Он ел и смотрел, как они смеются. Потом они ушли, а метрдотель принес ему записку. «Ты, видно, не слышал тогда, когда я сказала тебе, что все будет хорошо. Видишь, теперь уже точно у тебя все будет хорошо, а у меня как обычно, и это правильно. Живи дальше».

На самом деле в записке было только: «Теперь все будет хорошо». И его отпустило. Он опять стал счастливым. На все тридцать секунд.

Он будет жить дальше.

